

Санкт-Петербург
Государственный архив

Открытый архив

В наши дни время от времени в оборот запускается слух о грядущем объединении Мариинского и Большого театров. Идея далеко не нова. В фондах РГАСПИ архивист Павел Суворов обнаружил весьма любопытный документ, датированный 1931 годом.

Автор письма в правительство Елена Константиновна Малиновская – комиссар московских театров, управляющая гостеатрами, в тридцатые годы директор Большого театра.

К.Е.Ворошилову

Мысль о слиянии двух оперных театров (бывших Мариинского и Михайловского) с Большим и его филиалом возникла извне. Инициатором этого дела был дирижер Коутс. Он уроженец Ленинграда (его отец англичанин был директором фабрики Торнтона), любит Мариинский театр и он был вне себя от ужаса, убедившись дочего развалили Мариинский за эти годы. И наоборот, то, что сделали с Большим, в один год привело его в восторг и он готов переоценить наши силы. Он убежден, что мы должны стремиться к объединению Ленинграда и Москвы, что мы должны использовать наши силы в граммофонном производстве, что мы должны иметь фабрику деревянных музыкальных инструментов и так далее. Наш театр в настоящее время много сильнее Мариинского и делиться придется главным образом нам, а не Мариинскому. У меня подобран очень хороший аппарат, сильная труппа, поэтому в случае объединения пришлось бы организационно руководить Ленинградом, помочь ему не советами и отпуском гастролеров, а наладить в Ленинграде дела инструктажа и посылки туда хотя бы на время ряда организаторских и художествен-

ных сил. Мы не только спасли бы Мариинский от окончательной гибели, но поправили бы его в два сезона, не ранее. Что бы мы приобрели от этого слияния? Массу хлопот и забот прежде всего, и потому эгоистично – я, конечно, не за слияние. Но глядя на все с большой колокольни, а не только исходя из личных интересов, я согласна взять это тяжелое большое дело, доведенное почти до полного развала. Что же извлек бы все-таки Большой театр? Те хорошие силы, которые всеми способами старается закрепить за собой Мариинский, но которые стремятся к нам. Но силы эти мы бы не переводили к нам, а менялись бы всеми имеющимися силами в обоих театрах. Мы мыслим, что путем длительной работы мы бы смогли так составить план работы наших четырех театров, чтобы определить, какая физиономия должна быть у каждого театра и как расположить наши общие художественные силы для проведения этого плана в жизнь. Например, Большой – академическая программа, наш филиал – экспериментальный, в поисках нового репертуара и новых методов работы. Михайловский – художественная оперетта и легкая опера, Мариинский – академический и революционный репертуар. Я это говорю не окончательно, потому что не думала и ни с кем еще не совещалась раньше времени.

Для всех артистов это крайне увлекательно, так как огромный простор для работы. Они задыхаются в наших театрах при условии 2-3 постановок в год. Расширение числа постановок, перемена состава публики – это на пользу артистам. Второй плюс для Большого – это исключительные богатства Мариинского, с которыми он не справляется. Сейчас от меня ушел директор ленинградских театров Бухштейн, который очень обижен на меня за то,

что ему запрещено разбазаривать имущество. Он говорит, что у них столько материностей, что они не могут учесть их раньше, чем в четыре года, а использовать в течении 8-10 лет. Поэтому они решили "реализовать ликвидное имущество" и продают парчу (которая теперь нигде не выделяется) целыми кусками-штуками, аграменты, позументы и пр., что сейчас лежит у них и зачем гоняется каждый театр, начиная с Большого. Жемчуг театральный, который тоже нигде не вырабатывается, продаётся там на вес. Мы посыпали своего служащего, который отобрал у них товара для нас на 70 тыс. руб. и привез цены и образцы. Я показала это Авелю Сафоновичу в присутствии тов. Сталина и, естественно, назвала это разбазариванием огромнейших ценностей, в которых они зарылись и, нуждаясь в деньгах, меняют на сравнительные гроши.

Им был нагоняй из Секретариата тов. Сталина, подняли на ноги всех, а теперь на мне ленинградцы вымешивают. Теперь нам не дают, что было обещано, то есть нам были обещаны старые костюмы для нашей постановки "Пиковой дамы". Теперь их не дают, и мы можем не успеть с постановкой.

Сговорились мы, что дают нам на время постановки "Орфея" Глюка исключительной красоты работы Головина, который не идет у них. Теперь отказали и отказывают сейчас продать то, что нами отобрано.

Теперь я боюсь, что если слияние отложится на год-два (а в будущем оно неизбежно), богатства их уйдут так же, как ушло, по словам Авелю Сафоновича, дворцовое имущество, даже зарегистрированное.

Поэтому располагать лишними ценностями Мариинского Большому полезно. Бухштейн боится, что мы взглянем на ленинградские театры как на вотчину и ограбим их.

Я, конечно, умнее, чем он обо мне думает, и отвечая за четыре театра, должна поднять их все, а не один за счет двух или трех. Порукой моей прежняя работа, когда я, директорствуя в Большом, управляла двенадцатью гостеатрами и у всех оставила светлую благодарную память, так как хлопотала не о своем Большом театре, а обо всех.

Итак, в случае слияния возможно: общее пользование богатств, плановое использование сил обоих театров (все остаются на своих местах в силу жилищных условий) в обоих городах. Обмен постановками. Но если сольемся, первый год будет организационным и к осени я не могу обещать значительной перемены, а прошу дать мне для этого два года, потому что в первый год будем, лишь знакомиться и пробовать. Во всяком случае, хуже не будет.

Бухштейн боится слияния и мечтает о конвенции. Он говорит, что "пусть ЦИК даст деньги, у нас останется полная автономия и мы будем с вами договариваться во всех случаях". Это неприемлемо. Управление должно быть в одном месте – общий план и общее управление. Только тогда можно отвечать за все дело.

Если слияние нежелательно, убедите тов. Кирова запретить всякую продажу всякого имущества, потому что в театре не может быть ликвидного имущества – в нем все имеет большую ценность и может быть использовано.

Я не знаю, смогла ли я Вам объяснить, что хотела. Одним словом и хочется, и колется, и страшно, но при доверии и всемерной поддержке было бы неплохо для публики, наполняющей все эти театры.

22 апреля 1931 года
Малиновская

РГАСПИ фонд 74 опись 1 дело 394
листы 16-17

3 страница